

УДК 94(4):32

doi: 10.17072/2219-3111-2017-1-168-177

СКАНДАЛИСТ И ПРОВОКАТОР: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.И. КЕЛЕПОВСКОГО В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ВТОРОГО СОЗЫВА

Н. В. Некрасов

Российский государственный педагогический университет им. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48
kuminch@yandex.ru

Рассматривается парламентская деятельность С. И. Келеповского – одного из наиболее скандально известных правых депутатов Государственной Думы второго созыва. Основная цель работы – показать его активную роль в создании негативной парламентской активности, ярко отличавшей тактику правого меньшинства в дореволюционных Думах. В связи с этим проанализированы выступления Келеповского на думских заседаниях и на страницах печати, в которых он предстает как последовательный выразитель дворянско-помещичьих интересов и непримиримый противник думского левокадетского большинства. Особое внимание уделяется провокационным действиям Келеповского и высказываниям, направленным на постепенную дискредитацию Думы в глазах общества и верховной власти. Благодаря широкому кругу источников, в том числе неопубликованных, освещена кулуарная сторона его парламентского дебюта, неформальные отношения с другими депутатами и представителями «сфер», его отношение к тактике думских фракций и политике кабинета П. А. Столыпина. Проводятся параллели между Келеповским и другими правыми лидерами – Пуришкевичем, Крушеваном, Шульгиным и др., отмечается общее и особенное в их парламентском поведении. В заключении автор приходит к выводу, что Келеповский как политик является типичным продуктом политической культуры периода Первой российской революции, с её незрелостью, бескомпромиссностью и нетерпимостью по отношению к политическим конкурентам.

Ключевые слова: С. И. Келеповский, Государственная Дума второго созыва, думский скандал, парламентская обструкция.

Думский скандал – неотъемлемая часть парламентской истории России начала XX в. Противоборство партий и фракций в стенах Таврического дворца нередко выходило за рамки не только думского регламента, но и простых приличий. Споря друг с другом, народные представители могли прибегать к выкрикам с мест, ругательствам, оскорблениям, угрозам, т.е., как подчеркивает Д. М. Усманова, к тому, что за пределами Думы трактовалось и преследовалось как хулиганство [Усманова, 2016, с. 230]. Получая широкую огласку в печати, подобные инциденты приобретали форму скандала, тем самым влияя не только на тактику отдельных думских фракций и депутатов, но и на судьбу народного представительства в целом, на отношение к нему общества и верховной власти. Особенно ярко это проявилось в период деятельности Государственной Думы второго созыва, противоборствующие фланги которой заметно усилились. Её пусть и небольшое, но активное правое меньшинство, как правило, прибегало к скандалу в качестве самозащиты, реагируя на словесные «излишества» слева или протестуя против действий президиума, зачастую закрывавшего глаза на разнузданные речи социалистов. Кадет В. А. Маклаков с сожалением вспоминал, что со временем правые стали считать это «своим призванием» в Думе [Маклаков, 2006, с. 247]. Такие лидеры правых, как В.М. Пуришкевич, осознанно избирали скандальную тактику для дискредитации и скорейшего роспуска Думы, поэтому их поведение в подобных ситуациях зачастую было не спонтанным, а продуманным [Кирьянов, 2006, с. 170]. В результате в Государственной Думе второго созыва начала формироваться целая плеяда «профессиональных» скандалистов, со временем благодаря печати приобретших всероссийскую известность. Одним из них стал и герой настоящего исследования.

Потомственный дворянин Сергей Ипполитович Келеповский родился в 1873 г. Окончив юридический факультет Московского университета, он проживал в родовом имении в Херсонской губернии, являлся гласным Елисаветградского уездного и Херсонского губернского земств [Ромов,

2008, с. 245]. 6 февраля 1907 г. Келеповский был избран депутатом Государственной Думы второго созыва от общего состава выборщиков Херсонского губернского избирательного собрания. По своим политическим взглядам он приближался к монархистам, но ни в какую из консервативных партий не входил (РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 190. Л. 2). В справочнике, составленном М. М. Боиовичем, он значился просто «правым» (Боиович, 1907, с.388), как и в синодике членов Государственной Думы, вышедшем под эгидой Главного совета «Союза русского народа» (Синодик..., 1907, с. 27). Додумская политическая биография Келеповского, видимо, была небогата на события, поэтому сведения, приведенные о нем в этих изданиях, довольно скупы, но известно, что он принимал участие в съездах Объединенного дворянства [Ромов, 2008, с. 245].

Выборная кампания в его родной губернии проходила довольно напряженно. На Херсонщине была велика доля еврейских избирателей, но в то же время активно действовала и «Черная сотня». Накануне выборов в Елисаветграде «Союз русского народа» использовал праздники для проведения внушительных демонстраций с участием казаков. Сообщалось, что прогрессивная часть населения, особенно евреи, деморализованы и запуганы и большинство опасается участвовать в выборах (Брянчанинов, 1907, с. 354). Выборы по городам Херсону и Николаеву были кассированы властями, и в знак протеста 63 выборщика из 154 – от рабочих, большей части крестьян и городских избирателей – бойкотировали губернское избирательное собрание, потребовав отсрочить выборы по губернии до новых выборов по городам. Власти, однако, не пошли на это, вследствие чего большинство голосов на губернских выборах оказалось за землевладельцами. В депутаты от Херсонской губернии прошли 9 их представителей, среди которых был и С. И. Келеповский (В губернском избирательном..., 1907, 7 февраля, с.3). Столичные либералы приходили в шок от подобных триумфов. «Первое впечатление от такой кампании – громовой удар на тех, кто сделал все возможное, чтобы этот результат предупредить», – сообщала кадетская «Речь» (Выборы 7 февраля, 1907, 8 февраля, с.2).

В первом же интервью, которое Келеповский дал в качестве избранного депутата, он предстает последовательным выразителем интересов землевладельческого класса и противником действовавшего в то время избирательного законодательства. «Дума, созванная по существующему закону, не могла не быть революционной, что она и доказала на деле», – отмечал Келеповский в беседе с корреспондентом «Николаевской газеты» (К выборам..., 1907, 13 февраля, с.2). Однако давать какие-либо прогнозы, касающиеся возможной тактики Думы, новоиспеченный депутат не решился: будет ли она придерживаться образа действий своей предшественницы «или придумает что-либо иное» – покажет время, считал Келеповский. Из вопросов же, которые Думепредстояло решать, Сергея Ипполитовича более всего волновал аграрный. Согласно его ожиданиям, крестьяне – «основная масса» членов будущей Думы – естественно, настаивали бы на его скорейшем решении в пользу своих узкосословных интересов. Землевладельцы же попали в Думу в ничтожном количестве, чему виной были избирательный закон и общее «умеренное направление» выборщиков этой курии. Исходя из этого, Келеповский не видел возможным беспристрастное решение аграрного вопроса в Думе в целом не считал её достаточно компетентной для этого (Там же).

Игнорирование интересов правого меньшинства началось уже в первые дни работы Думы. Чувствуя себя хозяевами положения, кадеты и их союзники слева не только не допустили представителей правых партий в состав президиума, но и не провели с ними каких-либо «деловых переговоров» (Рейн, 1907, с. 5). По мнению правого депутата Г. Е. Рейна, тем самым левокадетское большинство не только углубило конфронтацию между фракциями, но и обрекло на неудачу всю дальнейшую деятельность Думы (Там же). Поэтому неудивительно, что голос Келеповского впервые прозвучал на думском заседании 24 февраля, когда левые ясно дали понять, что «посторонних наблюдателей» (Маклаков, 2006, с. 106) в президиуме им не нужно. Подведя итоги баллотировки, по которым кандидат от правых А. Б. Куракин не прошел в помощники секретаря, председатель Думы Ф. А. Головин поспешил объявить, что Дума единогласно принимает к руководству выработанный ранее Наказ. Келеповский на это ответил с места: «Я не принимаю» (Стенографические отчеты..., 1907, стб. 44). И, как мы увидим дальше, не принимал он не только Наказ, но и саму Думу в целом – ее состав, руководство и навязанные большинством «правила игры».

Последовавшие затем ответ левых на правительственную декларацию 6 марта, их попытки толкнуть Думу на присвоение себе исполнительных функций и поддержку бастующих рабочих, бурные дискуссии по законопроекту об отмене военно-полевых судов и государственному бюджету

ту окончательно убедили правых в необходимости скорейшего разгона «крамольной» Думы.

Они стали прибегать к провокациям, чтобы показать ее «истинное лицо»: голосовали вместе с социал-демократами, как П. А. Крушеван, или, наоборот, воздерживались от голосования в целях принятия Думой противозаконных или революционных по своей сути решений, П. Н. Крупенский и группа умеренно-правых (в которую входил и Келеповский) упорствовали в попытках вынести на рассмотрение скользкий вопрос о порицании террора, В. М. Пуришкевич избрал своим «оружием» «сознательное политическое юродство, эпатаж и использование скандала в провокационных целях» [Иванов, 2011, с. 55], В. В. Шульгин «спокойными, хорошо рассчитанными выпадами» доводил левую оппозицию «до белого каления» [Репников, 2011, с. 146].

К последним двум, быстро ставшим корифеями думского скандала, вскоре присоединился и Сергей Ипполитович, занявший прочное место в ряду правых обструкционистов и, по всей видимости, заведший связи в правительственных кругах. Так, беседа в двадцатых числах марта со служащим думской канцелярии Г. А. Алексеевым, Келеповский сообщил, что не надеется на скорый распад Думы, так как, по его сведениям, правительство было намерено распустить ее лишь тогда, когда она окончательно дискредитирует себя в глазах населения (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 183. Л. 35). И стал всецело этому содействовать. Так, он поддерживал голосование правых заодно с левыми по политическим вопросам, причем не только для срыва заседаний Думы, но и для того, чтобы заставить П. А. Столыпина «раскрыть карты и повернуть резко вправо и влево» (Там же). Как общал Алексеев, Келеповский и другие правые были недовольны «влиятием» премьера в решении вопроса о военно-полевых судах и его обещанием применять «военно-полевые суды лишь в крайних случаях» (Там же). 15 марта в ходе обсуждения вопроса об образовании депутатской комиссии для оказания помощи безработным и ее задачах правые приложили все усилия, чтобы толкнуть Думу на неконституционный шаг. Левые стремились отправить комиссию на места и поддержать бастовавших рабочих, что дало бы лишний повод к роспуску Думы. На этот раз правые не стали голосовать вместе с левыми, а просто покинули зал. Кадеты тогда едва уберегли Думу, отложив решение вопроса ввиду «неясности». По свидетельству Алексеева, Келеповского это привело в отчаяние. «"Но это ничего", – утешил тот себя, – мы правые, не верим в эту Думу и добьемся ее разгона» (Там же. Л. 65).

Следующим методом Келеповского, уже выходящим за рамки думского регламента, стали резкие, провокационные и зачастую бестактные замечания с места, которыми он прерывал левых ораторов. Иногда в них звучали и ксенофобско-националистические нотки. «И до армян в парламенте!» – так он ответил на реплику И.Г. Церетели, заявившего с кафедры, что царское правительство довело русский народ «до Мукдена и Цусимы». В другой ситуации при поддержке Пуришкевича он оборвал польского депутата Я.-С. С. Стецкого, который, выступая по бюджетному вопросу, уклонился в рассуждения о необходимости равноправия для народов Российской империи. «Это не относится к бюджету», – заявил тогда с места Келеповский (Стенографические отчеты..., 1907, т. 1, стб. 728, 905). В конце марта кадеты, следуя своей тактике «бережения Думы», предложили ограничить время выступления ораторов на общих заседаниях, дабы поскорее передать земельный вопрос в комиссию и прервать поток малопродуктивных речей. Этому воспротивились левые – социал-демократы, знесы, придававшие выступлениям на пленарных заседаниях огромное значение. Келеповский же отпустил по этому поводу едкий комментарий: «...Общее собрание Государственной Думы представляет из себя такое бесполезное извержение слов, что можно только приветствовать сокращение времени» (Там же, стб. 1412) – и был тут же лишен слова Ф. А. Головиным за оскорбление Думы.

Гораздо более содержательно Келеповский выразил свои позиции по аграрному и бюджетному вопросам, проявив себя как типичный представитель помещичьего класса. Так, в ходе прений по бюджету Сергей Ипполитович назвал главной причиной разорения народа двадцатилетнее служение русского правительства капиталу, вложенному в крупную промышленность, и высокие, запретительные таможенные пошлины (Там же, стб. 1242), т.е. политику протекционизма, проводившуюся С. Ю. Витте и его преемниками. Слугами капитала Келеповский выставил и кадетов, «тайно вдохновляемых» Витте, и не преминул уколоть главного кадетского оратора по бюджетному вопросу Н.Н. Кутлера, «сознательно промолчавшего» о содержавшихся в государственной росписи намерениях поддержки крупной промышленности (Там же, стб. 1243). Факт службы Кутлера в Министерстве финансов нередко вменялся ему в вину противниками как слева, так и справа; Ке-

леповский же ядовито предположил, что Кутлер «до сих пор получает кое-что из государственного казначейства» за «сидение в министерских креслах» (Там же, стб. 1241). Что касается левых, в большинстве своем решивших отвергнуть бюджет без рассмотрения и сосредоточившихся на огульной критике правительства, то их Келеповский просто назвал демагогами, сеющими смуту в стране (Там же).

В ходе обсуждения аграрного вопроса Келеповский признал, что «положение русского народа тяжело» и «нужно напрячь все усилия, чтобы облегчить его положение» (Там же, стб. 1506). Возможный аграрный законопроект, по его мнению, должен был отвечать трем принципам: строгому соответствию Основным законам, справедливости (только не кадетско-социалистическому ее толкованию, а «заложеной в сердце человека») и не быть утопичным. Все фракционные же проекты, включая кадетский, по мнению Келеповского, нарушали неприкосновенность частной собственности, и рассматривать их надлежало «не в законодательном собрании, а в уголовном отделении окружного суда» (Там же, стб. 1507). Самым простым решением Келеповский считал обращение к правительственному проекту, следуя, таким образом, в русле тактики Объединенного дворянства, поддержавшего аграрные реформы П. А. Столыпина [Баранова, 2006, с. 734]. Также он предложил компенсировать нехватку земель за счет «исконно-русских» привислинского, юго-западного и северо-западного краев, тех земель в Царстве Польском, которые были конфискованы или назначены к продаже после восстания 1863 г., но в силу «польской интриги» так и остались у прежних хозяев, и путем переселения крестьян не на север России, а в Центральную Азию, где, по мнению Келеповского, слишком много пустующих земель находилось в руках местных кочевых народностей (Стенографические отчеты..., 1907, т. 1, стб. 1508 – 1510).

Во Государственной Думе второго созыва, как и в первого, левые активно использовали право думских запросов для возбуждения общественного мнения и заострения какой-либо болезненной темы. Одной из них, как отмечала Н.М. Корнева, стали условия содержания заключенных в российских тюрьмах [Корнева, 2010, с. 112], которые активно обсуждались в Думе в конце марта – начале апреля. Думской левой были внесены несколько запросов об избиениях узников и произволе властей в Рижской, Акатуйской и Алгачинской тюрьмах. Настаивая на их срочности, социал-демократы вступили в словесную схватку с кадетами и, конечно, с правыми, которые всецело доверяли информации, предоставленной Министерством юстиции, и склонялись к тому, что «запросы эти в значительной степени не только преувеличены, но и ложны» (Стенографические отчеты..., 1907. Т. 1, стб. 2029).

Несколько раз высказался по этому вопросу и Келеповский, наполнив свои речи ядовитыми намеками и сравнениями. Уже в первом выступлении 6 апреля он заявил, что не может понять смысла всех этих запросов, которые сводятся к протесту против того, что в тюрьмах истязают каких-то бубновых тузов» (Там же, стб. 1681). В ответ на крики «Долой!» и замечания председателя Ф.А. Головина Келеповский дерзко заявил, что никто не может его бойкотировать, ведь право говорить с думской кафедры даровано ему Государем Императором. Впрочем, это не спасло его от лишения слова (Там же, стб. 1682). Доклад комиссии по запросам Келеповский назвал «несообразными, баснословными рассказами об откушенных ногах и отгрызенных носах», «облаками фантазии», сравнив с «популярным уголовным романом "Тайны испанской инквизиции"». При этом он сделал издевательский «реверанс» председателю комиссии по запросам О. Я. Пергаменту, назвав того своим «земляком» и заявив, что «с уважением» относится к нему как к «бывшему президенту южно-русской республики» – мифической должности, на которую Пергамент якобы прочили одесские социалисты во время революционных событий 1905 г. Эта наполненная колкостями и инсинуациями речь одновременно вызвала и смех, и крики «Довольно!» (Там же, стб. 2032). Несмотря на замечания председателя и его требования прекратить шуточки, Келеповский завершил свою речь обвинениями левых в «сикофанстве» и отсутствии каких-либо доказательств тюремного произвола. При этом он назвал социал-демократа И. П. Озола «Ододем» (активно рекламируемый в то время ополаскиватель для зубов), а его сведения – результатом «столюверчения» и изучения по-смертных записок «расстрелянных господ» (Там же, стб. 2033–2034). Запрос о событиях в рижской тюрьме, внесенный 31 марта, Келеповский счел «романом сочинения Пергамент и Озола» и предлагал вовсе порвать и выкинуть этот запрос (Там же, стб. 1979). При обсуждении срочности внесения запроса об избиениях рабочих на петербургской фабрике Чешера, за которое горячо ратовал большевик Г. А. Алексинский, Келеповский заявил, что подобные запросы отнимают у Думы «дра-

гоценное время» (Там же, стб. 2006) и обоснованы так же, как утверждение, «что Алексинский откусил ему, Келеповскому, ногу» (Правые остряты, 1907, с.1). В ответ на подобные речи раздавались шум, свист и шиканье, председатель же ограничивался лишь замечаниями. Однако знакомый Келеповского Г.А. Алексеев опасался, что если тот и дальше будет продолжать свои шутки, то его постигнет участь Пуришкевича и Шульгина (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 194. Л. 40), отстраненных Головиным от участия в одном заседании по ст. 38 Учреждения Государственной Думы.

Выходки Келеповского не остались без внимания оппозиционной прессы. Чтобы «нейтрализовать» этого депутата, его, как и других правых скандалистов, выставляли клоуном, циркачом, рыжим, паяцем и т.п. В кадетской «Речи» отмечали, что он «имеет единственную цель – сказать что-нибудь непозволительное и во что бы то ни стало устроить скандал» (Думский день, 1907, 7 апреля, с.1), а все его речи исчерпываются «лубочными остротами» (Думский день, 1907, 14 апреля, с.1). Газета «Зауралье» называла Келеповского третьим (после Пуришкевича и Шульгина) претендентом на звание «рыжего клоуна», правда неудачным (Правые остряты, 1907, 15 апреля, с.1), – видимо, потому, что в отличие от первых двух Келеповский пока не был со скандалом удален из зала. Он стал частым героем газетных фельетонов, у него начали появляться прозвища, например, в одной из сатирических заметок «Современной речи»: «Головин: "Депутат Недоклепкин! Еще раз напоминаю вам, что вы не на цирковой арене". Келеповский: "Как не в цирке? Мы, правые, превратим Думу в цирк. Будьте благонадежны, превратим!"» (Карандаш, 1907, 15 апреля, с.2). «Келеповский не может без фокусов», – комментировали его выступления «Биржевые ведомости» (Ergo, 1907, 13 апреля (утр.вып.), с.2). Ерш-ответчик Пуришкевич в сатирическом переложении сказки о Ерше Ершовиче, опубликованном «Утром Свободы», «келепается» (Ардов, 1907, 10 мая, с.1) – то ли просто намек на нашего героя, то ли уже обозначение определенного парламентского поведения.

Все учащающиеся выходки Сергея Ипполитовича заставляли прессу задуматься о возможных способах избавления от его присутствия в Думе:

«Среди депутатов сидит господин Келеповский. Даже товарищи его правые недоумевают, для чего этот господин остается в Думе. Каждое заседание он считает своим долгом сказать грубость по адресу не отдельных членов Думы, а по адресу самого учреждения. <...> Ни один парламент в мире не может позволить, чтобы в его среде оставался член, поносящий то учреждение, в котором имеет честь заседать». В качестве «меры дезинфекции» обозреватель советовал Головину отстранить Келеповского от участия в заседаниях Думы вплоть до конца сессии (Каменев, 1907, 14 апреля, с.3).

Соратник Келеповского по правому крылу Думы В. М. Пуришкевич, напротив, с восхищением отзывался о поведении своего коллеги и даже посвятил ему эпиграмму:

Здорово, друг мой Келеповский,
Твой грозный облик, мрачный вид
Без слов мне молча говорит
Что пред тобой трепещет жид,
Что ты гроза орды жидовской! (Пуришкевич, 1907, с. 81).

Грозному облику зачастую соответствует и голос, но здесь сведения источников несколько разнятся: так, газета «Утро свободы» в сатирических стихах называет Келеповского «тихозвучным» (Зоил из Думы, 1907, 1 мая, с.2), «Современная речь» писала о «звероподобном басы» нашего героя (М.Р., 1907, 10 мая, с.2). В любом случае его резкости и замечания практически всегда находили адресата.

После зуратовского инцидента, вновь поставившего Думу под угрозу немедленного разгона, а затем прошедшего 26 апреля 1907 г. в Москве IV Всероссийского съезда Союза русских людей, где лидеры монархистов получили необходимые директивы, правые и их союзники в околоставных кругах еще решительнее стали направлять «думский корабль на шхеры», используя для этого любую возможность. Таковая появилась уже скоро, на заседании 4 мая 1907 г., посвященном обсуждению вопроса о создании комиссии по разработке законопроекта о всеобщем обучении. В ходе заседания выступили ораторы, представлявшие различные народы и окраины Российской империи, – М. Г.-М. Махмудов, С. Ф. Тигранян, Я. Гралецкий, К. Хасанов. Все они сетовали на «полицейскую» сущность школьного ведомства, насильственную русификацию, закрытие школ, репрессии в отношении учителей. Речи этих депутатов постоянно сопровождалась окриками и грубоватыми

замечаниями Пуришкевича, Шульгина и других правых, из-за которых атмосфера заседания постепенно накалялась. Инцидент, послуживший причиной грандиозного скандала, произошел во время выступления депутата от Уфимской губернии К. Хасанова. Рассуждая о необходимости разрешить обучение в школах на татарском языке, оратор упомянул «время, когда самодержавный строй был крепок», что вызвало бурю негодования справа. «Он и сейчас еще крепок!» – закричал с места правый депутат И.П. Созонович. Хасанов возразил ему, что строй в России конституционный, после чего правые подняли страшный шум, активное участие в создании которого принял и Келеповский, что-то неразборчиво восклицавший с места. Именно ему обозреватель «Речи» В. А. Ашкинази отводил главную роль в дальнейшем разжигании скандала (Влад. Азовь, 1907, 5 мая, с.2). Другие правые депутаты в это время ударяли по попитрам, крича «Долой оратора!» Слева в ответ раздавались голоса: «Это провокация. Скандалисты! Просим продолжать» (Стенографические отчеты..., 1907, т. 2, стб. 185–186; Государственная Дума, 1907, с.5).

Председатель Ф. А. Головин просил оратора продолжить речь, подчеркнув, что три минуты из десяти, положенных на выступление, Хасанов не мог использовать из-за неуместного поведения Пуришкевича, Келеповского и Созоновича (Стенографические отчеты..., 1907, т. 2, стб. 187). Келеповский с места ответил, что его поведение уместно, и подчеркнул, что за самодержавие он стоял «везде и всюду», и, в свою очередь, обвинил Головина в том, что тот поддерживает «человека, который оскорбляет нашу армию, нашего Государя, нашу страну» (Там же). Не видя другого способа унять скандалистов, Головин предложил применить к Пуришкевичу, Келеповскому и Созоновичу 38-ю статью Учреждения Государственной Думы и удалить их из зала на одно заседание. Предложение было принято под гром аплодисментов (Там же, стб. 187–188).

Скандалисты, однако, сдаваться не собирались: Пуришкевич попросил Келеповского и Созоновича не уходить и, сделав угрожающий жест И.В. Гессену (видимо, переусердствовавшему во «вразумлении» правых), возвратился на свое место (Из залы заседаний, 1907, 5 мая, с.5). Председателю ничего не оставалось делать, как объявить перерыв. Заседание возобновилось, но исключенные по 38-й статье депутаты так и не ушли из зала. В связи с этим председатель предложил ужесточить меру, и в итоге скандалисты были отстранены от участия в 15 заседаниях.

Попросив слова для личных объяснений, Келеповский снова заявил, что защищать «Царя Самодержавного и Веру Православную достойно» и уместно и что если за это к нему применяется статья 38, то он уходит (Стенографические отчеты..., 1907, т. 2, стб. 189). Ф. А. Головин поспешил разъяснить ему, что 38-я статья в данном случае была применена к нему не за слова, а за то, что своими выкриками с места Келеповский и его товарищи «нарушили порядок и не дали Государственной Думе заниматься спокойно» (Там же). Во время очередного перерыва Келеповский и Созонович ушли, Пуришкевич же остался, поэтому Головину пришлось закрыть заседание. После, в кулуарах, объясняя своё поведение, Келеповский заявил, что «не мог молчать» и допустить, чтобы говорили что-либо против самодержавия (Я.Л., 1907, 5 мая, с. 5). Оппозиционная печать, однако, решительно отмела его оправдания, расценив поведение тройки скандалистов как заранее подготовленную провокацию. Так, Ашкинази в «Речи» подчеркивал, что не стоит считать Келеповского и Пуришкевича «фанатиками черносотенной идеи, потерявшими власть над своими нервами», а скандалы – «ядовитыми цветами, питавшимися азартной атмосферой парламентаризма». По мнению журналиста, в основе скандала 4 мая лежали «холодный расчёт, плохо замаскированный фанатизмом» и «разработанный план, плохо замаскированный экспромтом» (Влад. Азовь, 1907, 5 мая, с.2). Целями же этого плана либералы однозначно видели срыв и роспуск Думы, а в перспективе – государственный переворот справа (Редакционная статья, 1907, 5 мая, с.1). «Постоянные скандалисты Пуришкевич и Келеповский» существуют в Думетолько ради того, чтобы «елико возможно вредить Думе» и вести её к разгону» (Из залы заседаний, 1907, 5 мая, с. 5), – отмечала левокадетская газета «Товарищ», явно приветствуя избавление Думы от «трёх героев правой стороны» (Там же).

В связи с этим примечательно, что в тот же день, беседуя с Г. А. Алексеевым, Келеповский в очередной раз подчеркнул, что Дума революционизирует крестьянскую массу, и потому её необходимо распустить (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 201. Л. 33).

Стоит отметить, что даже некоторые правые издания осудили действия скандалистов. Так, херсонская консервативная газета «Родной край» отмечала, что подобное поведение «прилично озорникам-мальчишкам, но не людям, принявшим на себя почетную роль народных представите-

лей» (Редакционная статья, 1907, 6 мая, с.1). Другие правые издания, такие как астраханская «Русская правда», были возмущены исключением тех, кто «заступился за самодержавие Государя Императора» и отметили, что теперь и «слепому понятно», что Думу следует разогнать (Явное предательство, 1907, 11 мая, с.2).

Большинство депутатов, по свидетельству Г. А. Алексеева, нашли действия Ф. А. Головина правильными и посчитали, что, освободившись от Пуришкевича и компании, Дума сохранит много времени и спокойствия (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 201. Л. 77). Правые безуспешно пытались протестовать против устранения своих товарищей, подав 7 мая два заявления – одно за подписью 47, другое за подписью 51 члена Думы. На заседании 10 мая П. Н. Крупенский просил Головина огласить эти заявления, но председатель категорически заявил, что «означенные заявления, заключающие в себе, с одной стороны, критику постановления Думы, а с другой действий председателя, ни оглашению, ни обсуждению Думы не подлежат» (Стенографические отчеты..., 1907, т. 2, стб. 362–363).

Применив к скандалистам столь жесткую меру, председатель Думы озаботился тем, чтобы она была исполнена по всей строгости, и отдал распоряжение думским приставам, чтобы те не допускали Пуришкевича и Ко в «самое здание Государственной Думы» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 1325. Л. 12).

Это распоряжение, однако, вызвало замечания со стороны заведующего охраной Таврического дворца В.Ф. Остен-Сакена, который отметил, что оно ставит охрану в затруднительное положение. Недопущение изгнанных депутатов в помещения фракций, отделов, комиссий, канцелярии, почты-телеграфа и кулуаров, куда Пуришкевич и его товарищи продолжали иметь право свободного прохода, могло вызвать с их стороны вполне справедливые нарекания и жалобы на охрану (Там же. Л. 13). Поэтому благодаря попустительству охраны изгнанные депутаты продолжали появляться в здании Думы. Так, Келеповского 7 мая замечали в кулуарах (Келеповский в кулуарах, 1907, 7 мая, с.2), а также в буфете Думы. Держался он «весьма воинственно», «будто чувствуя за собой силу» и стоя с приятелями возле буфета, громко хвалился: «Что он (вероятно, Головин. – Н.Н.) может мне сделать? Ровно ничего... захочу – и войду в зал. В одни двери выгонят, в другие я войду» (М.Р., 1907, 10 мая, с.2). «Русь» сообщала, что 7 мая он и И. П. Созонович посетили В. М. Пуришкевича на квартире последнего (Шпалерная ул., 39) и обсудили свою дальнейшую тактику. Келеповский доложил, что до июля уедет отдыхать в Варшаву, а затем на Кавказ. Созонович решил поехать с ним, а Пуришкевич – остаться в Петербурге, чтобы «сидеть» на совещаниях СРН «для работы» (Дума и партии, 1907, 8 мая, с.5).

Действительно, в самой Думе Келеповский больше никак себя не проявил и, возможно, не появлялся в ней вовсе, но зато вошёл в число двадцати депутатов – правых и октябристов, приглашенных на высочайшую аудиенцию, состоявшуюся 15 мая 1907 г. в Царском Селе. Келеповский был приглашен вторым, после П. Н. Крупенского, и удостоен получасовой беседы с Николаем II о местных нуждах и деятельности Думы (О депутатии правых 15 мая, 1907. 16 мая (утр. вып.), с.2), что может указывать на благосклонное отношение императора к думской активности Келеповского.

Подводя итоги, отметим, что в ходе своего парламентского дебюта С. И. Келеповский выступил как непримиримый противник думского оппозиционного большинства. Быстро разуверившись в работоспособности Думы, революционизировавшей, по его мнению, крестьянские массы, Келеповский уверенно избрал «скандальный» тип думского поведения. Подобно другим видным правым – Пуришкевичу [Николаев, Ромов, 2008, с.509], Шульгину [Николаев, Ромов, 2008, с. 709], Крушевану [Ромов, 2008, с.301], он стал активно содействовать дискредитации и скорейшему разгону Думы, используя в этих целях различные методы обструкции – провокационные высказывания и замечания с места, словесные оскорбления своих оппонентов, демонстративное неподчинение требованиям председателя и правилам думского распорядка. Как уже отмечалось, такой тип поведения был весьма характерен для представителей правого меньшинства дореволюционных Дум, а для второго созыва – в особенности. Обусловлено это было незрелостью российской политической культуры того времени, её ориентацией на конфронтацию, игнорированием интересов правого крыла леволлиберальным большинством Думы. Но не всегда скандальное поведение правых было «защитной реакцией». Давали знать о себе закрытость правых фракций и групп, строгая детерминация их парламентских тактик идеологическими и партийными догмами, социокультур-

ной принадлежностью и т.п. Оба этих фактора ярко проявились в парламентской деятельности Келеповского, а благодаря падкой на сенсации прессе он быстро стал одним из самых узнаваемых правых «скандалистов».

Едкие выпады наперекор большинству и картинные попытки «надеть мученический венец» борца за Самодержавие безусловно вредили органической работе парламента, но способствовали в известной мере мобилизации тех консервативных сил, которые выступали за роспуск непокорной Думы и ужесточение избирательного закона.

Тем не менее парламентская активность Келеповского в Государственной Думе второго созыва не была строго негативной. Так, при обсуждении бюджетного и аграрного вопросов он выступил более содержательно, последовательно отстаивая интересы помещного дворянства. Он отвергнул все оппозиционные аграрные проекты, не соответствовавшие принципу неприкосновенности частной собственности, и в то же время осудил протекционистскую политику государства, ударявшую по доходам помещиков. Как и другие правые, в ходе думских прений он неоднократно проявлял себя как убежденный сторонник самодержавия, имперского национализма и русификаторской политики.

Список источников

- Ардов Т. Список с судного дела слово в слово, как был суд у Ерша с Лещом // Утро Свободы. 1907. 10 мая. С.1.
- Боиович М. М. Члены Государственной Думы (Портреты и биографии): Второй созыв 1907–1912 г. / сост. М. М. Боиович. М., т-во И. Д. Сытина, 1907.
- Брянчанинов А. Н. Междодумье. СПб., т-во «Худож. Печати», 1907. Вып. 1.
- В губернском избирательном собрании // Родной край. 1907. 7 февраля. С. 3.
- Влад. Азовь. Обидели // Речь. 1907. 5 мая. С. 2.
- Выборы 7 февраля // Речь. 1907. 8 февраля. С. 2.
- Государственная Дума // Утренний курьер. 1907. 17 мая. С. 2.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 183. Л. 35; Д. 201. Л. 33, 77.
- Дума и партии // Русь. 1907. 8 мая. С. 5.
- Думский день // Речь. 1907. 7 апреля. С. 1.
- Думский день // Речь. 1907. 14 апреля. С. 1.
- Ерго. Заседание государственной Думы 12 апреля // Биржевые ведомости. 1907. 13 апреля (утр. вып.). С.2.
- Зоил из Думы. Думские негативы // Утро свободны. 1907. 10 мая. С. 4.
- Из залы заседаний / Государственная Дума // Товарищ. 1907. 5 мая. С. 5.
- Каменев Л. В кулуарах // Биржевые ведомости. 1907. 14 апреля (утр. вып.). С. 3.
- Карандаш. Политические диалоги: Маленький фельетон // Современная речь. 1907. 15 апреля, с. 2.
- К выборам в Гос. Думу по Херсонской губернии. С.И. Келеповский // Родной край. 1907. 13 февраля. С.2.
- Келеповский в кулуарах // Сегодня. Экстренное прибавление к № 215. 1907. 7 мая. С. 2.
- Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума: воспоминания современника, 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., Центрполиграф, 2006.
- М.Р. Келеповский в Думе/ Думские отклики // Современная речь. 1907. 10 мая. С. 2.
- О депутатии правых 15 мая // Биржевые ведомости. 1907. 16 мая (утр. вып.). С. 2.
- Правые острят // Зауралье. 1907. 15 апреля. С. 1.
- Пуришкевич В. М. Галерея современных деятелей: Эпиграммы. СПб., ред. "Освобождение", 1907. Вып. 1.
- Редакционная статья. С.-Петербург, 5 мая // Речь. 1907. 5 мая. С. 1.
- Редакционная статья // Родной край. 1907. 6 мая. С. 1.
- Рейн Г. Е. Два месяца деятельности правых партий в Государственной Думе (из набросков правого). СПб., Типография А.С. Суворина, 1907.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 190. Л. 2; Д. 666. Л. 50. Д. 1325. Л. 12, 13.
- Синодик членов Второй Государственной Думы [С краткими биограф. сведениями]. СПб., Изд. ком. при Глав. Совете Союза русского народа, 1907. Вып. 1.
- Стенографические отчеты. Государственная Дума, второй созыв, 1907 г., сессия вторая: в 2 т. СПб.: Государственная типография, 1907.
- Явное предательство // Русская правда. 1907. 11 мая. С. 6.
- Я.Л. В кулуарах / Государственная Дума // Товарищ. 1907. 5 мая. С.5.

Библиографический список

- Баринова Е. П. Объединенное дворянство об актуальных вопросах развития России // Известия Самарского научного центра РАН. 2006. Т. 8. № 3. С. 728 – 739.
- Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). СПб., Альянс-Архео, 2011.
- Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, Пермское книжное издательство, 2006.
- Корнева Н.М. Запросы Государственной Думы о деятельности тюремных учреждений (1906–1917) // Таврические чтения 2010: Актуальные проблемы истории парламентаризма в начале XX века. Сб. науч. статей / под ред. А.Б. Николаева. СПб., ЭлекСис, 2011. С. 112–134.
- Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Гос. Дума Рос. империи: 1906–1907: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., РОССПЭН, 2008. С. 509.
- Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Шульгин Василий Витальевич // Гос. Дума Рос. империи: 1906–1907: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., РОССПЭН, 2008. С. 709.
- Репников А. В. Василий Шульгин в Государственной Думе // Таврические чтения 2011: Актуальные проблемы истории парламентаризма: сб. науч. статей / под ред. А.Б. Николаева. СПб., ЭлекСис, 2012. С. 145–169.
- Ромов Р.Б. Келеповский Сергей Ипполитович // Гос. Дума Рос. империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 245.
- Ромов Р.Б. Крушеван Павел Александрович // Государственная Дума Российской империи: 1906 – 1907: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., РОССПЭН, 2008. С. 301.
- Усманова Д. М. Думские конфликты: тривиальные скандалы или форма парламентской обструкции? // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Сб. матер. Всерос. науч. конф. 6–8 октября 2016 г. Орел, 2016. С. 227–246.

Дата поступления рукописи в редакцию 27.10.2016

BRAWLER AND PROVOCATEUR: THE ACTIVITIES OF SERGEY KELEPOVSKY IN THE SECOND STATE DUMA

N. V. Nekrasov

Russian State Pedagogical University, Moika river emb., 48, 191186, Saint-Petersburg, Russia
kuminch@yandex.ru

The article deals with the parliamentary activity of Sergey I. Kelepovsky, one of the most scandalous right-wing deputies of the Second Duma of the Russian Empire. He quickly became disillusioned with the creative ability of the revolutionized Duma and, like other right-wing politicians – Pavel Krushevan, Vladimir Purishkevich, and Vasily Shul'gin, became involved in the campaign to discredit Duma in the eyes of society and the Supreme Power. To that end, he used various methods of obstruction: provocative statements and observations from his place in the Duma, the verbal abuse of the opponents, disobeying the requirements of the Chairman and the Duma's rules and regulations, and provoking scandals, the largest of which erupted at the meeting of May 4, 1907. Kelepovsky's behavior in the Duma and his sarcastic tone contributed to his popularity in the press: he was one of the most recognizable right-wing "trouble-makers". When discussing the budget and agricultural issues, Kelepovsky showed himself to be a consistent defender of the interests of the landed gentry. He defended the inviolability of private ownership of land, rejecting for this reason all fractional bills. He opposed the government policy of protectionism, which brought losses to the landowners. Like other right-wing politicians, Kelepovsky repeatedly distinguished himself as a staunch supporter of the autocracy, imperial nationalism and russification policies.

Key words: Sergey I. Kelepovsky, the second State Duma, the Duma scandal, parliamentary obstruction.

References

- "About the deputation of rightists May 15" (1907), *Birzhevye vedomosti*, May 16 (morning edition), p. 2.
- "Duma and parties" (1907), *Rus'*, May 8, p. 5.
- "Duma day" (1907), *Rech'*, April 14, p. 1.
- "Duma day" (1907), *Rech'*, April 7, p. 1.
- "Elections on February 7" (1907), *Rech'*, February 8, p. 2.
- "In the gubernia election meeting" (1907), *Rodnoy Kray*, February 7, p. 3.
- "Kelepovsky in the couloirs" (1907), *Segodnya*, May 7, emergency addition to No.215, p. 2.

- “The apparent betrayal” (1907), *Russkaya Pravda*, May 11, p. 6.
- “The rightists wisecrack” (1907), *Zaural’e*, April 15, p. 1.
- “The State Duma” (1907), *Utrenniy kur’er*, May 17.
- Ardov, T. (1907), “Word-for-word scroll from the Bream versus Ruff-fish court case”, *Utro Svobody*, 1907, May 10, p.1.
- Azov, Vlad (1907), “Offend”, *Rech’*, May 5, p. 2.
- Barinova, E. P. (2006), “The united nobility on the actual issues of the development of Russia”, *Issledovaniya Samarskogo nauchnogo tsentra rossiyskoy akademii nauk*, vol. 8, No. 3, pp. 728 – 739.
- Boiovich, M. M. (1907), *Chleny Gosudarstvennoy dумы (Portrety i biografii): Vtoroy sozyv 1907-1912* [Members of the State Duma (Portraits and biographies): the Second convocation 1907-1912], t-vo I. D. Sytina, Moscow, Russia.
- Bryanchaninov, A. N. (1907), *Mezhdodum’e* [Between the First and Second Dumas], vol. 1, t-vo “Hudog. Pechati”, Saint-Petersburg, Russia.
- Editorial article (1907), *Rech’*. May 5, p. 1.
- Editorial article (1907), *Rodnoy kray*, May 6, p. 1.
- Ergo (1907), “The meeting of the State Duma on April 12”, *Birzhevye vedomosti*, April 13 (morning edition), p.2.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii (GARF)* [The State archive of Russian Federation], f. 102, op. 265, d. 183, l. 35; d. 201, ll. 33, 77.
- Ivanov, A. A. (2011), *Vladimir Purishkevich: opyt biografii pravogo politika (1870 – 1920)* [Vladimir Purishkevich: the experience of the biography of right-wing politics (1870 – 1920)], Alliance-Archeo, Saint-Petersburg, Russia.
- Kamenev, L. (1907), “In the couloirs”, *Birzhevye vedomosti*, April 14 (morning edition), p. 3.
- Karandash (1907), “Political dialogues”, *Sovremennaya rech’*, April 15, p. 2.
- Kir’yanov, I. K. (2006), *Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve* [Russian parliamentarians of the early twentieth century: new politicians in the new political space], Perm' book publishing house, Perm', Russia.
- Korneva, N. M. (2011), *Zaprosy Gosudarstvennoy dумы o deyatelnosti tyuremnykh uchrezhdeniy (1906 – 1917)* [Interpellations of the State Duma on the activities of the prison facilities (1906 – 1917)], in Nikolaev, A. B. (ed.), *Tavrisheskie chteniya 2010: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v nachale XX veka* [Tavrisheskie chteniya 2010: Actual problems of history of parliamentarism in the early XX century, compilation of scientific articles], ElekSis, Saint-Petersburg, Russia, pp. 112 – 134.
- M.R. (1907), “Kelepovsky in the Duma”, *Sovremennaya rech’*, May 10, p. 3.
- Maklakov, V. A. (2006), *Vtoraya Gosudarstvennaya дума: vospominaniya sovremennika, 20 fevralya – 2 iyunya 1907* [The Second State Duma, reminiscences of a contemporary, 20 February - 2 June 1907], Tsentrpoligraph, Moscow, Russia.
- Nikolaev, A. B. and R. B. Romov (2008), “Purishkevich Vladimir Mitrofanovich”, in *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii, 1906 – 1917: Entsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire (1906-1917): Encyclopedia], ROSSPEN, Moscow, Russia, p. 509.
- Nikolaev, A. B. and R. B. Romov (2008), “Shulgin, Vasily Vitalevich”, in *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii, 1906 – 1917: Entsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire (1906-1917): Encyclopedia], ROSSPEN, Moscow, Russia, p. 709.
- Purishkevich, V. M. (1907), *Galereya sovremennykh deyatel'ey: Epigrammy* [Gallery of modern figures: epigrams], vol. 1, red. “Osvobozhdenie”, Saint-Petersburg, Russia.
- Rein, G. E. (1907), *Dva mesyatsa deyatelnosti pravyykh partiy v Gosudarstvennoy dume (iz nabroskov pravogo)* [Two months of activities of right-wing parties in the state Duma: from rightist’s sketches], tipografiya A. S. Suvorina, Saint-Petersburg, Russia.
- Repnikov, A.V. (2012), “Vasily Shulgin in the State Duma”, in Nikolaev, A. B. (ed.), *Tavrisheskie chteniya 2011: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v nachale XX veka* [Tavrisheskie readings 2011: Actual problems of history of parliamentarism in the early XXth century, compilation of scientific articles], ElekSis, Saint-Petersburg, Russia, pp. 145 – 159.
- Romov, R. B. (2008), “Kelepovsky Sergei Ippolitovich”, in *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii, 1906 – 1917: Entsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire (1906-1917): Encyclopedia], ROSSPEN, Moscow, Russia, p.245.
- Romov, R. B. (2008), “Krushevan Pavel Aleksandrovich”, in *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii, 1906 – 1917: Entsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire (1906-1917): Encyclopedia], ROSSPEN, Moscow, Russia, p. 301.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archive], f. 1278, op. 1 (2 sozyv), d. 190, l. 2; d. 666, l. 50; d. 1325, ll. 12, 13.
- Sinodik chlenov gosudarstvennoy dумы [s kratkimi biograficheskimi svedeniyami]* (1907), [Synodikon of the members of the State Duma [with brief biographies]], vol. 1, Izd. kom. Pri gl. Sovete Soyuza Russkogo naroda, Saint-Petersburg, Russia.
- Stenograficheskie otchety, Gosudarstvennaya дума, vtoroy sozyv, 1907 god, sessiya vtoraya* (1907) [Stenographic reports, The State Duma, second convocation, 1907, second session], 2 Vol., Gosudarstvennaya tipografiya, Saint-Petersburg, Russia.
- Usmanova, D. M. (2016), “Duma conflicts: trivial scandals or the form of parliamentary obstruction?”, in *Nravstvennye aspekty politicheskoy deyatelnosti v teorii, programmatike, partiynoy praktike i zakonotvorchestve rossiyskogo liberalizma: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 6-8 oktyabrya 2016 (g. Orel, Orlovskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.S. Turgeneva)* [Ethical aspects of political activities in theory, programmatic, party practice and legislation of Russian liberalism: compilation of materials of all-Russian scientific conference], Publisher Orel University, Orel, Russia.
- Ya. L. (1907), “In the couloirs”, *Tovarishch*, May 5, p. 5.
- Zoil iz dумы (1907), “Duma negatives”, *Utro Svobody*, May 1, p. 4.